Бр. Mathematicus

Обновленная версия речи, произнесенной на Конференции масонов Великой Ложи России и Русской Великой Регулярной Ложи 16 декабря 2006 г.

О СМЫСЛЕ И СУЩНОСТИ МАСОНСТВА

Китайский философ Гунсунь Лун, принадлежавший к школе имен, иначе именуемой школой софистов, сказал: «Белая лошадь – не лошадь». В ответ на замечания о несоответствии каких-либо слов или действий членов нашего послушания масонской практике мне приходилось слышать слова: «Мемфис-Мицраим – это эзотерическое масонство». Смысл этого ответа, по-видимому, следует реконструировать в соответствии с высказыванием Гунсунь Луна следующим образом: «Мемфис-Мицраим – это эзотерическое масонство. Эзотерическое масонство – это не масонство. Поэтому правила, общие для всех масонов, на членов Мемфиса-Мицраима не распространяются». Логическая нелепость данного софизма очевидна. Однако, следует признать, что в парадоксальной форме Гунсунь Лун указывает на важную проблему – проблему соотношения общего и частного, требующую своего разрешения и в случае эзотерического масонства. Действительно, чтобы понять, что такое эзотерическое масонство, необходимо сначала выяснить, что такое масонство само по себе, то есть что составляет сущность масонства, его природу, и только затем определить, какие дополнительные свойства у масонства эзотерического прилагаются к основным. В настоящем сообщении я постараюсь дать свой, по необходимости краткий ответ на первый вопрос – вопрос о смысле и сущности масонства как такового.

Король и вольный каменщик Фридрих II Прусский сказал: «Масонство есть великое ничто». Эта фраза в предельно жесткой форме заявляет о главной проблеме движения вольных каменщиков – проблеме смысла, то есть цели существования. Особенно остро стоит эта проблема перед братьями тех стран, где масонство не является частью так называемой «большой культуры» и где, следовательно, оно не может существовать за счет импульса культурной инерции. В англо-саксонских странах масонские организации, потеряв свои смысловые ориентиры, могут существовать, «плывя по течению», то есть механически воспроизводя социально приемлемые формы, лишенные прежнего содержания. В России масоны должны если не плыть против течения, то хотя бы удерживаться на месте и не давать сбить себя с ног напирающему потоку культурного мэйнстрима, для чего братьям нужны цели, мобилизующие их на преодоление сопротивления социальной среды. Так зачем же существует масонство вообще и в России в частности?

Дать определенный ответ на этот вопрос чрезвычайно сложно из-за многообразия тех смыслов, которые вкладывались во франкмасонство на протяжении его относительно недолгой истории, и тех социальных функций, которые так или иначе выполняли масонские ложи: в масонстве видели мужской клуб, философское общество, организацию заговорщиков, тайную армию, альтернативную церковь, общество взаимопомощи, политическую партию, академию магов. Масонская традиция настолько разнообразна, что мы в буквальном смысле можем выбирать смысл масонства. Говоря «выбирать» я имею в виду то, что, строя здание

невидимого храма, мы может ориентироваться на принципиально различные схемы, подчиненные различным общим идеям.

Тем не менее, у возможности подчинить масонство различным целям есть ограничения, обусловленные причинами как внешнего, так и внутреннего характера. К внешним факторам следует отнести, прежде всего, свойства социокультурной среды, в которой должно выживать и развиваться движение. Внутренние ограничители связаны с необходимостью сохранения идентичности масонства, то есть того, что составляет его сущность. Несмотря на все многообразие форм в масонстве все же можно выделить два устойчивых момента, которые годятся на роль критериев оценки того или иного явления как масонского или не масонского.

Первый момент – это культивирование специфического этоса, ключевой нормой которого является религиозная и политическая толерантность, второй – символизм, использование синтетических моделей (символов) в качестве формы знания и инструментов познания (прежде всего, конечно, самопознания). Разумеется, можно привести примеры полного или частичного отказа масонских организаций как от толерантности, так и от символизма, но это, на мой взгляд, свидетельствует лишь о том, что имя масонства не привязано жестко к его сущности, что масонские по имени институты могут перестать быть таковыми по сути.

Наличие вышеназванных элементов связано с двумя процессами, повлиявшими на становление спекулятивного масонства в Англии в конце XVII – начале XVIII вв. Первый процесс – это разрушение «старого режима», то есть феодального политического и социального порядка, имевшего сакральную санкцию официальной церкви. Победители Славной Революции 1688 г. выдвинули новую политическую доктрину – либерализм, краеугольным камнем которого была идея естественных прав и свобод индивида, в том числе свободы совести. Естественный характер прав означает их независимость от содержания того или иного религиозного откровения, а также от воли того или иного сообщества людей. Таким образом, правитель в рамках либеральной идеологии лишался права легитимно принуждать подданных исповедовать ту или иную религию, а, следовательно, основа объединения людей в общество должна была стать неконфессиональной.

В этом контексте масонство 1717 года, по сути, есть социальный проект, стержнем которого являлась либеральная идея установления религиозного гражданского мира через объединение людей на нерелигиозном фундаменте, каковым признавались естественная мораль и естественное богословие. Первые руководители первой Великой Ложи стремятся сделать масонство соединительной тканью английского социума, разодранного в клочья религиозно-политической враждой. Бр. Джеймс Андерсон прямо пишет в своих Конституциях о том, что масонство должно стать «средством установления истинной дружбы между людьми, которые – не будь его, - были бы разделены непреодолимой пропастью».

Но естественность прав и свобод означает также и равенство людей, наделенных равной свободой, причем наделенных по природе, а не по милости государя. Эта идея, идея равенства также была принята масонством, использовавшим для ее оформления ритуалы и символы строительных братств. Мы помним, что символом этой ценности выступает эмблема первого блюстителя, но также не нужно забывать, что в XVIII веке

ритуал лишения кандидата металлов перед посвящением в вольные каменщики означал то, что у посвящаемого отбиралась шпага – видимый знак принадлежности человека к дворянскому сословию и деньги – богатство и символ класса буржуа. Итак, либеральный идеал надконфессионального братства равно свободных людей стал основой этики раннего спекулятивного масонства, из которого вышла и масонская традиция Мемфиса-Мицраима.

Второй момент, то есть связь масонства с нерелигиозным познанием также характеризует масонство как явление эпохи крушения старого сакрального порядка. Френсис Бэкон, адвокат и защитник научной революции Нового времени, которого, кстати, часто прочат в духовные отцы спекулятивного масонства, одним из первых потребовал освобождения познания от идолов, то есть ложных предрассудков и привычек мышления, среди которых он назвал опору на авторитет, центральный метод доказательства в богословии откровения. Религии, опирающейся на откровение, истинность которого невозможно установить рациональными методами, была противопоставлена наука, то есть деятельность по производству знания объективного, независящего от характеристик познающего субъекта, в частности от его религиозных убеждений. Таким образом, наука, также как и либеральный этос, наделялась важнейшей социальной функцией – она должна была соединять людей, разделенных конфессиональными догмами, на основании равно значимого для них объективного знания, делать возможным плодотворные коллективные действия.

Именно на таком познавательном фундаменте строится спекулятивное масонство. Строится одновременно с организацией первых научных академий (Королевское Общество) и теми же самыми людьми, что двигают вперед научную революцию (Дезагюлье). В дальнейшем пути науки и масонской мудрости расходятся: наука, становясь более строгой, освобождается от герметического наследия, масонство сохраняет «rejected knowledge» («отвергнутое знание») и становится формой рациональности, альтернативной научной. Однако, генетическое родство сохраняется - масонство как метод не столько противостоит науке, сколько дополняет ее, преодолевает ограничения метода собственно научного, расширяет и обогащает познавательные возможности человека.

Сущность масонства определяет его цели в России. Если западные общества при переходе от традиционной цивилизационной формы к индустриальной смогли перестроить себя на основе либеральных ценностей, то в России модернизация была сорвана коммунистическим переворотом. Коммунистическая эпоха в России парадоксальна тем, что индустриальная революция не сопровождалась соответствующей модернизацией политики и социальных отношений. Социально-экономическое и политическое устройство СССР, поразительным образом напоминающее древневосточную деспотию, можно рассматривать даже как пример архаизации общества.

В этих условиях задача модернизации, то есть либерализации основ общественной жизни в посткоммунистической России - одна из актуальнейших. И если в Западной Европе масонство как культурная сила, в целом, выполнило эту задачу, то в России работы - непочатый край. Быть ковчегом социального либерализма, привлекать людей всех национальностей и вероисповеданий, воспитывать их в духе

фундаментальных масонских ценностей: индивидуальной свободы, религиозной терпимости, равенства и братства, всемерно поощрять распространение этих ценностей в обществе – вот благороднейшая миссия всех вольных каменщиков России и их патриотический долг перед своей Родиной. Эта цель соответствует как состоянию нашего общества, так и внутренней природе масонства.

Поскольку термин «либерализм» ассоциируется с политической сферой, нужно специально оговорить, что обозначенная выше цель имеет не политическую, а культурную природу. Речь идет не о борьбе за власть ради реализации политической стратегии, основанной на либеральной идеологии, а о сохранении масонства как островка либеральной субкультуры и осуществлении влияния на «большую культуру». Ключевыми инструментами реализации данной цели должны стать интенсивная внутренняя работа по усвоению базовых масонских норм и форм поведения и внешняя просветительская активность.

Другая задача масонства, есть сохранение себя в качестве эпистемического сообщества, культивирующего альтернативные методы познания. История научных открытий XIX и XX веков показывает, во-первых, плодотворность неортодоксальных методологических установок и необычных приемов и способов получения информации, а во-вторых, необходимость постоянного совершенствования наших представлений о научной рациональности, о надежных путях достижения истинного и достоверного знания. В этих условиях становится ясна ценность масонской работы с символами, к которой проявляют интерес как гуманитарные науки, так и современная философия. Эта вторая сторона масонства более значима для послушаний Древнего и Изначального Устава Мемфиса-Мицраима чем для других течений масонства, поэтому в нашем уставе самые богатые (идеями и символами) ритуалы и самая высокая лестница градусов, а также самая строгая иерархия, которая нужна для сохранения этого богатства.

Однако, будучи не только хранителями, но и строителями, вольные каменщики должны не только изучать свои орудия труда, но и активно применять их для производства нового знания, новых идей и смыслов, новой реальности.

Масонские работы истинных любителей мудрости не заканчиваются посвящением в третий градус, но начинаются по-настоящему.

Если мы осознаем проблемы, разрешению которых может и обязано способствовать масонство, пребывание в ложе никогда не потеряет для нас смысла.